

МЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ В ГОРОДСКОЙ СРЕДЕ

С. И. Быкова

ВИЗУАЛЬНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВЕТСКОГО ПРОШЛОГО: ОСОБЕННОСТИ ПРАКТИК КОММЕМОРАЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ИНДУСТРИАЛЬНОМ ГОРОДЕ

Исследуя историю освоения городского пространства, З. Бауман отмечал, что города всегда являлись полями сражений полностью противоположных тенденций и иерархии ценностей: «Одна иерархия ставила во главу угла расчет выгоды и результатов, прибыли и потерь, доходов и расходов. Другая отдавала приоритет стандартам человечности и исходному праву человека на достойную жизнь и приемлемые условия, необходимые для такой жизни...» [2, с. 30]. Анри Лефевр называл социальное производство городского пространства непрерывным и спорным процессом, «пронизанный политикой и идеологией, созиданием и разрушением и непредсказуемым взаимодействием пространства, знания и власти...» [9, с. 133 – 134]. Иногда данное противостояние приобретает очевидные очертания, а порой имеет скрытый характер.

Особенно напряженной оказывается борьба между сторонниками старых и новых визуальных объектов, определяющих образ города. Оппоненты дискутируют о привлекательных и непривлекательных качествах, свойственных каждому объекту. Д. Лоуэнталь, акцентируя внимание на изучении корреляции между восприятием прошлого и отношением к старинным зданиям, отмечает: «... реликвии, воспоминания, события, вызывающие дискомфорт, остаются без внимания, предаются забвению, иногда — память о них уничтожается, запрещается. Однако иногда изгнанные памятники, события возвращаются...» [8; 39, с. 522]. В современном Екатеринбурге реализуются различные стратегии возвращения, по выражению Д. Лоуэнталя, подлинного прошлого. В имеющейся иерархии типов визуальной коммуникации жителей города с прошлым одним из самых эффективных, на мой взгляд, являются выставки в ГААО СО — Государственном архиве административных органов Свердловской области (пр. Ленина, 34). Очень символично, что с 1930-х гг. в здании, в котором теперь расположены фонды архива, находились апартаменты областного комитета коммунистической партии.

Для исследователей, изучающих исторические документы, архив является постоянным местом работы. Однако для большинства студентов, как и для огромного числа наших

современников, занятых проблемами «преодоления настоящего», слово «архив» вызывает лишь экзотические ассоциации. Тем не менее, уникальные материалы архива обладают особым визуальным эффектом.

Основной комплекс документов ГААО СО, созданного в 1992 г., составляют переданные из Управления ФСБ РФ по Свердловской области судебно-следственные дела ВЧК, ОГПУ, НКВД, МГБ, КГБ [1; 2]. В течение многих лет на основе этих документов сотрудники архива организуют выставки: 9 мая в День Победы; 22 июня в День памяти и скорби; 1 сентября в День памяти российских воинов, погибших в первой мировой войне; 30 октября в День памяти жертв политических репрессий. Выставки имеют символические названия: «Трагедия плена»; «Мы все имели имена...»; «Трудовая армия на Урале»; «Город на Исети»; «На безымянной высоте»; «Иностранцы на Урале — пути и судьбы»... К сожалению, презентация фотографий и других визуальных документов оказалась возможной по причине произошедших в прошлом трагедий —

их владельцы (рабочие, крестьяне, врачи, учителя, инженеры, чиновники, студенты, участники первой мировой войны, советские солдаты и офицеры) были арестованы в один из дней 1918-1988 гг.

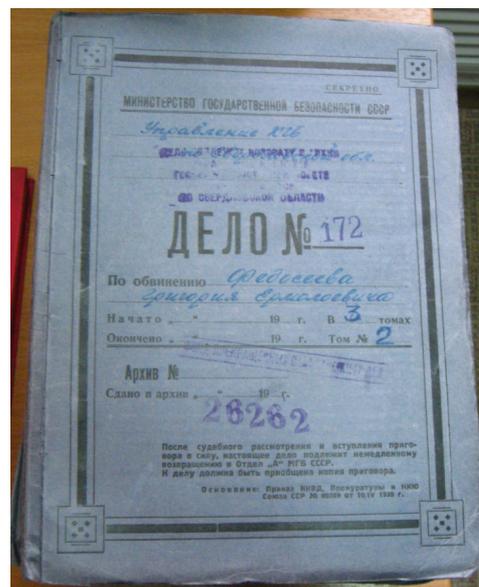
Именно на эти выставки я приглашала студентов и после экскурсий просила написать их о своих впечатлениях в форме эссе. Анализируя полученные тексты, знакомство студентов с визуальными репрезентациями трагического прошлого можно описать как опыт шока (по В. Беньямину — «пробуждение от меланхолии»), поскольку история каждого изображения воспринимается ими как свидетельство полной трудностей жизни многих людей и абсурдной жестокости власти. Кроме того, многие из студентов признавались, что почти все услышанное и увиденное воспринималось ими как вновь открываемое прошлое. Однако такой опыт внезапного воздействия предметов и образов, по признанию Джеймса Элкинса, редко становится объектом изучения для современных работ по визу-

альной культуре [10, с. 363]. Ориентируясь на исследование исторических и актуальных аспектов визуальной культуры горожан, я использовала разные материалы (в т.ч., данные о практиках презентации сотрудниками архива визуальных документов). Однако самыми важными являются впечатления студентов, увидевших благодаря экскурсии в архив новый образ истории своей страны и города. Особые эмоции вызывает у студентов знакомство с хранилищем, которое они называют «святая святых архива»: «Оказавшись в хранилище, я испытала шок. Только глядя на эти показавшиеся бесконечными, набитые до потолка документами стеллажи, приходит полное осознание того, что произошло с советским народом во времена репрессий. Чувства, которые испытываешь, находясь среди этого нескончаемого свидетельства сломанных жизней целого поколения, трудно передать на бумаге».

Большинство из студентов впервые имеют возможность познакомиться с историческим источником, поэтому в эссе они отмечают «особый запах документов — запах истории» и говорят о желании «разглядывать каждую страницу, словно пытаюсь осуществить виртуальную связь времён». Описывая структуру следственного дела, обязательно вспоминают чувства, вызванные этим документом: «К нему я прикасался с опаской. От него словно веяло холодом...» Студенты выражали благодарность архивистам, если им разрешили «подержать историю в руках — полистать следственные дела, дневники...», предоставляя возможность «открывать новые факты истории в непосредственном соприкосновении с ней».

Даже краткое изучение документа производит на экскурсантов очень сильное впечатление: «Знакомство с делом конкретного человека — анкета, предъявление обвинения, арест, допрос, приговор, справка о приведении его в исполнение, документы о реабилитации — потрясает до глубины души. Отныне для меня слово «архив» значит очень много...»; «Пожелтевшая от времени бумага, пыль, запах. Эти мелочи создают там особую атмосферу иной жизни, существующей параллельно современной»; «За каждой архивной папкой — многочасовые допросы, десятки лагерных лет или смертная казнь. Воображение сразу начало превращать немислимое количество папок в людей, все дела — в истории жизни...»

После экскурсий студенты отмечали: особую убедительность выставке придаёт то, что содержательным центром экспозиции являются конкретные судьбы наших земляков: «Когда дело дошло до личных ис-

торий, мое воображение заставило меня содрогнуться. Сначала — милые картинки спокойной и размеренной жизни владельца ресторана, переводчицы, инженера, крестьянина, а потом — вдруг! — арест, лагерь, лесоповал...»

Студентов поражает новая информация, позволяющая им «открывать прошлое». В частности, описи имущества становятся очевидным свидетельством социального неравенства в советское время. Как правило, у большинства партийных и государственных чиновников описи составляют несколько страниц и включают перечисление многих вещей (в т.ч., фотоаппаратов, коллекционного оружия, музыкальных инструментов). В списках конфискованного имущества простых советских людей значится минимум одежды, постельных принадлежностей, иногда — книги, и почти всегда (порой это единственный вид имущества) — облигации государственных займов.

Искреннее удивление у студентов вызывает разнообразие документов и предметов, оказавшихся в распоряжении следственных органов. Среди них — свидетельства об окончании учебных заведений и курсов: от дипломов европейских университетов, выпускниками которых до революции являлись многие арестованные, до удостоверений о сдаче технического минимума, ставших в 1920-1930-е годы самым распространенным видом документа о профессиональном образовании.

Самыми многочисленными были фотографии. Иногда при обыске сотрудники НКВД изымали семейные альбомы. Их значимость для современников XXI века определяется тем, что сохранившиеся «остановленные мгновения» прошлого позволяют увидеть историческую реальность во всех её проявлениях: городские пейзажи, интерьеры, предметы быта и одежды, сюжеты жизни и отдыха. Однако во многих делах на фото — «индустриальные сюжеты», позволяющие увидеть, какими были условия работы на предприятиях Урала. Студентов удивляют масштабы новостроек 1930-х гг. и почти полное отсутствие строительной техники: «Оказывается, такие гиганты строились ручным трудом». Кроме того, их поражают фотографии, на которых сохранились свидетельства об условиях жизни строителей и рабочих — землянки, бараки, комнаты на шестьдесят человек...

Студенты отмечают: самая большая ценность фотографий заключается в том, что они сохранили лица людей — и тех, которые оказались «бывшими» в новом обществе, и других, с энтузиазмом веривших в «светлое социалистическое будущее».

К сожалению, очень часто сотрудники НКВД использовали найденные групповые фото как главные улики, называя всех изображенных на снимке членами контрреволюционной или шпионской организации. Кроме того, иногда сюжеты фотографий, обнаруженных в семейных альбомах (например, виды городов Маньчжурии), интерпретировались

как антисоветская агитация. Имевшиеся в следственных делах снимки мужчин в форме царской или белых армий становились главными (во многих случаях единственными) свидетельствами восхваления арестованными «царского режима».

Аналогичные обвинения, как правило, выдвигались против тех людей, у которых при обысках находили портреты Николая II, других представителей династии Романовых и императорской семьи [6, ф. 1, оп. 2, д. 43362; д. 48685; д. 7695; Д. 37111; д. 20262, л. 22; д. 20995, л. 15].

Студенты были удивлены трагедией группы верующих, произошедшей в 1939 г.: в доме одного из них помимо церковных книг и журналов, сотрудники НКВД обнаружили 17 портретов членов династии Романовых. Их обвинили не только в систематической антисоветской деятельности, но и монархических настроениях: из 25 человек одиннадцать были расстреляны [6, ф. 1, оп. 2, д. 19636, т. 6, л. 6, 26].

Следует обратить внимание, что вещественные доказательства, позволявшие обвинять арестованных в «антисоветской агитации», оказались не только чрезвычайно разнообразными, но иногда и довольно редкими. Наряду с вырезанными из газет и журналов снимками императора Николая II и его семьи, в распоряжении сотрудников НКВД оказались литографии с изображениями цесаревича Николая в очень юном возрасте и фото императорской четы 1894 года [6, ф. 1, оп. 2, д. 43362, л. 257; д. 77, л. 44; д. 49072, л. 170]. Особенно ценными студенты назвали материалы и предметы, сохраненные некоторыми из уральцев с 1913 года: юбилейные календари к 300-летию династии Романовых, плакат «Дом Романовых — державных созидателей могущества и славы земли русской» и даже

медаль, вручавшаяся по поводу этого исторического события [6, ф. 1, оп. 2, д. 16868; д. 196778; д. 25891].

Студентов удивляет, что многие советские люди не верили официальным заявлениям о том, что репрессированные руководители (Г. Зиновьев, А. Рыков, Н. Бухарин и др.) являются шпионами и предателями. Напротив, некоторые были убеждены, что именно эти руководители защищали интересы рабочего класса и хотели улучшить жизнь людей. Поскольку такие слухи распространялись по стране, органы НКВД активно реагировали на сведения о хранении портретов и трудов наказанных политических деятелей. Аресты по таким обвинениям начались уже в январе 1935 г. В своих эссе студенты обязательно вспоминают историю одного «портретного дела», по которому были привлечены студенты Горного института в Свердловске. В протоколе обыска, написанном карандашом, указывалось об изъятии четырех портретов — Каменева, Зиновьева, Троцкого, Раковского. Во время следствия в качестве вещественных доказательств студентам предъявили набор из двадцати портретов «Вожди революции». Арестованные отрицали наличие этих портретов в их комнате, но все равно были наказаны [6, ф. 1, оп. 2, д. 8024, л. 11, 247]. Студенты обращают внимание на то, что среди изъятых документов имелась сталинская работа «Вопросы ленинизма»: значит арестованные не были «антисоветчиками», как инкриминировалось следствием.

Протест студентов вызывает также приговор по делу П. А. Крысина, завхоза транспортно-артели города Нижняя Салда, осужденного на 10 лет за одну улику, — портрет А. Рыкова, обнаруженный при обыске [6, ф. 1, оп. 2, д. 38819, л. 13, 32].

Абсурдная жестокость власти становится очевидной студентам после знакомства с трагической историей студентов, занимавшихся изучением эсперанто и переписывавшихся

с молодыми немецкими коммунистами. Советские студенты, однажды получив от своих визави из Германии значки с нацистской свастикой, решили организовать антифашистскую выставку. Однако некоторые другие студенты и следователи признали выставку пропагандой фашизма. Руководитель кружка эсперанто и

двое студентов были приговорены к расстрелу.

Не менее интересным ракурсом прошлого, рассмотрение которого возможно благодаря визуальным материалам архива, является отношение жителей Урала к вождям коммунистической партии и советского правительства. Дело в том, что иногда в качестве «ве-

шественных доказательств» во время обыска сотрудники НКВД изымали фотографии или плакаты с портретами И. Сталина и других политических лидеров: некоторые из них были разорваны; на других имелись следы от выстрелов из рогаток и даже винтовок; на третьих – оскорбительные надписи и «художественные дополнения». В некоторых случаях портреты, над которыми были совершены «издевательства», оказывались в распоряжении сотрудников НКВД благодаря «сознательным» советским гражданам, сообщавшим о фактах «дискредитации руководителей».

Занимаясь «портретными» делами, следователи стремились доказать политический характер действия, требуя от арестованных признания в преднамеренности. Как правило, для достижения своих целей следователи привлекали свидетелей, выясняли возможные причины негативного отношения арестованного к советской власти и вождям. Обвиняемые, напротив, либо отрицали все показания, либо убеждали следователей в случайности произошедшего. Среди привлеченных к ответственности оказывались люди, принадлежавшие к разным поколениям, отличавшиеся по уровню образования и культуры.

Например, в 1935 г. был арестован один из рабочих завода в Нижнем Тагиле — во время обыска его квартиры сотрудники НКВД изъяли «изобличающий в преступлении» портрет И. Сталина. Согласно свидетельским показаниям (в

т.ч. жены и приемного сына), арестованный постоянно критиковал вождей партии и государства, выражал недовольство политикой советской власти. В момент спора с сыном он нарисовал на портрете решетку, выкрикивая: «Надо давно отвести ему такое место, но все равно скоро дождется... Дома я его уже посадил». Обвиняемый не признал ни самого факта «издевательства над портретом», ни показания свидетелей. Однако учитывая его происхождение (из семьи раскулаченных крестьян-середняков), его образ жизни, отношение к труду и поведение в семье, то следует признать возможным поступок, в котором его обвиняли [6, ф.1, оп. 2, д. 20097, л. 1, 23об, 89].

Иногда «хулиганские действия» были направлены против других лидеров ВКП(б) и советского государства: М. И. Калинина, К. Е. Ворошилова, С. М. Буденного, Л. М. Кагановича. [6, ф.1, оп. 2, д. 9907, л. 6, 39; д. 23901, л. 2, 34об; д. 44946, л. 4 – 5]. В некоторых

судебно-следственных делах имеются свидетельства «антисоветских поступков» против портретов В. И. Ленина. Среди обвиненных оказался колхозник, родившийся в 1880 г., который (как было указано в постановлении об избрании меры пресечения) «в порыве ненависти порвал три портрета руководителей партии и советского государства». На допросах обвиняемый, как и многие другие в подобной ситуации, пытался оправдать себя, ссылаясь на «состояние опьянения». Однако следователю удалось собрать 16 свидетелей, благодаря показаниям которых выяснилось, что обвиняемый порвал два портрета Сталина и портрет Ленина (один — в квартире знакомой, другие — в правлении колхоза), при этом нецензурно ругаясь [6, ф.1, оп. 2, д. 16905, л. 1, 33об; 70]. Другому арестованному вменили в вину «террористический акт против лидера партии и государства тов. Ленина», так как он нанес острым предметом удар по графическому рисунку «Владимир Ильич Ленин в Разливе в 1917 г.» [6, ф.1, оп. 2, д. 44783].

Во время экскурсии студентов знакомят с изданиями архива. Во-первых, это публикации в научном журнале «Архивы Урала»; во-вторых, специализированные тематические издания (например, сборники «Открытые архивы», фотоальбом «Лица Великой Европейской войны», изданный в 2008 г.). Удивление студентов вызывают Книги памяти, сотни страниц каждой из которых заполнены именами репрессированных: «Почти для каждой — подумать только! — почти для каждой из фамилий найдётся знакомый или родной человек, попавший в чёрный список репрессированных». Составление Книг памяти студенты признали особенно значимым направлением деятельности архива: «Это ответственная, трудоёмкая и благородная работа — она позволяет людям обрести надежду и узнать правду об их родных и близких».

Восхищаясь ответственностью сотрудников архива, студенты считают, что в городе должны быть открыты музеи, посвящённые этим событиям прошлого: «Маленькая комната... Кто бы мог подумать, что здесь хранится память о многих тысячах политических репрессированных в Свердловской области за годы советской власти. Честно говоря, стало грустно, что такой трагедии национального масштаба, как политические репрессии, уделяется так мало внимания и «места».

Однако многие студенты подчеркивают чрезвычайную важность знакомства с документами музея и некоторые завершают эссе обещанием рассказать об увиденном своим друзьям и — в будущем — детям: «Уничтожив людей, власть пыталась уничтожить и па-

мать о них. Всё, что нам сегодня осталось, — лишь документы, дневники, рукописи... Но иногда нет и этого — только несколько листков, заполненных сухим равнодушным почерком, и фотографическая карточка. Нет даже кусочка земли, где покоится прах человека. Всё просто: нет человека — нет проблемы... Лишь с фотографий смотрят грустные глаза, в которых боль миллионов. Эта боль будет преследовать мир вечно. Обидно, но, что бы ты ни говорил и какими бы словами не пытался это сказать, — звучит пафосно. Не придумали таких слов, чтобы можно высказать протест, который появляется в душе каждого, кто увидел эти глаза...».

Таким образом, эмоциональная реакция студентов, увидевших изображения и предметы, хранение и использование которых стоили их владельцам свободы или жизни, фотографии этих людей, подтверждает выводы К. Гинзбурга о значении визуального опыта. Во-первых, рассмотрение мелких подробностей, анализ второстепенных фактов способствует «проявлению истины». Во-вторых, увиденное становится «инструментом, рассеивающим идеологические туманы. Даже если реальность не прозрачна, существуют привилегированные участки — приметы, улики, позволяющие дешифровать реальность» [7, с. 224].

Список литературы и источников

1. Архив: 20 лет служения обществу / отв. за выпуск Ю. Н. Абрамова, Н. Н. Ершова, И. Н. Демаков. — Екатеринбург: Изд-во АМБ, 2012.
2. Бауман З. Город страхов, город надежд // Логос. 2008. № 3. — С. 24 – 53.
3. Бенн С. Одежды Клио. — М.: Канон+, 2013. — 304 с.
4. Быкова С. И. Советская иконография и «портретные дела» в контексте визуальной политики, 1930-е годы // Визуальная антропология: режимы видимости при социализме. — М.: ООО «Вариант», ЦСПГИ, 2009. — С. 105 – 126.
5. Быкова С. И. «Наказанная память»: свидетельства о прошлом в следственных материалах НКВД // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2009. № 2. — С. 38 – 54.
6. Государственный архив административных органов Свердловской области.
7. Гинзбург К. Приметы. Уликовая парадигма и ее корни // Гинзбург К. Мифы — эмблемы — приметы. — М.: Новое издательство, 2004. — С. 189 – 241.
8. Лоуэнталь Д. Прошлое — чужая страна. — СПб.: Владимир Даль, 2004. — 624 с.
9. Сойя Э. Как писать о городе с точки зрения пространства? // Логос. 2008. № 3. — С. 130 – 140.
10. Элкинс Дж. Исследуя визуальный мир. — Вильнюс: ЕГУ, 2010. — 534 с.
11. Фотогалерея. — URL: <http://gaaoso.ru/gallery>